

Мыс Пицунда

Мыс Пицунда расположен между городами Сочи и Гагры, в двадцати двух километрах южнее Гагры. Небольшая заросшая реликтовыми соснами равнина, втиснувшаяся между склонами Кавказских гор и уходящая резко вниз к глубинам Черного моря. Первыми это место облюбовали еще древние греки, построили в устье реки Мюссеры порт Пители. От него и пошло название Пицунда. В 1950-е годы Пицунда находилась в запустении, курортники ее своим вниманием не баловали, разве что немногочисленные туристы-дикари устраивались на побережье в палатках, покупали у местных жителей кур, рыбу, баранину да самодельное молодое вино «Лыхны».

После передачи в общенародное пользование сталинских дач (бывших царских дворцов) решили построить пять новых правительственных резиденций, две в Крыму, там место им выбрал сам отец, а остальные три еще где-нибудь. Мжаванадзе, грузинский партийный секретарь, предложил Пицунду. А когда отец отдыхал в Сочи, Мжаванадзе свозил его на Пицунду. Место отцу понравилось: ровное, удобное для прогулок, пустынное, стройка не доставит отдыхающим неудобства.

Строительство поручили Главному архитектору Москвы Михаилу Васильевичу Посохину. Девственные заросли прорезали, не трогая деревьев, прогулочными дорожками, ближе к пляжу «возвели» три двухэтажные элегантные дачи, у самой воды устроили крытый бассейн.

В 1957 году, если я не ошибаюсь, Посохин пригласил отца осмотреть уже почти готовые сооружения, оставалось только постелить паркет и закончить внутреннюю отделку. Отцу понравилось все, но особенно длинная прямая дорожка вдоль пляжа. С нее открывался вид не только на море, но и на пустынные галечные отмели, тянувшиеся далеко, чуть ли не до самого горизонта.

Отец предложил Посохину подумать, не расположить ли вдоль берега пансионаты, гостиницы, дома отдыха. Такое дивное место должно дарить радость всем людям, а не только членам правительства. Посохин подумал и через пару месяцев принес отцу наброски будущего Пицундского курорта.

В 1958 году отец впервые поехал отдыхать в Пицунду, а уже в 1959 году, сразу за окружавшим «государственную территорию» бетонным забором, на самом берегу моря встали в ряд многоэтажные писательские, актерские и профсоюзные пансионаты.

Пицунда превращалась в модное место отдыха. Становившиеся все более многочисленными отдыхающие роптали на забор, поругивали отца за то, что лучший кусок леса он отгородил себе. В народной молве дача слыла хрущевской. То, что без отца никаких пансионатов там вообще бы не появилось, естественно, никого не интересовало. Экологи, в свою очередь, винили отдыхающих в уничтожении, буквально вытаптывании уникального уголка

природы, по их мнению, в первозданном виде ландшафт сохранился только за бетонным забором.

День за днем

18 апреля 1959 года Шелепин направил в Президиум ЦК записку с отчетом о ходе «Наступления на религиозные пережитки», в которой упомянул об участии в церковной жизни некоторых ученых, артистов, профессоров университетов и предложил принять к ним «соответствующие меры воздействия».

Отец верил, что религия не имеет будущего. При нем закрыли не одну церковь, но «принимать соответствующие меры к некоторым артистам и ученым», как и ко всем остальным, он не разрешал, говорил, что это дело личное, со временем люди поумнеют, и все образуется само собой.

20 апреля 1959 года Аэрофлот получил новый турбовинтовой лайнер Ил-18. Первые самолеты поставили на линии Москва – Адлер и Москва – Алма-Ата. Ил-18 на долгие годы, вплоть до начала 1980-х, станет в СССР самым массовым пассажирским самолетом.

29 апреля 1959 года, по возвращении в Москву, отец долго беседует с британским фельдмаршалом Бернардом «Монти» – Монтгомери оф Аламейн, переигравшим в Северной Африке «лиса пустыни», немецкого генерала-фельдмаршала Эрвина Роммеля. За год до того он покинул пост заместителя главнокомандующего войсками НАТО в Европе, вышел в отставку и в Москву приехал уже простым туристом. Отец рассказывал Монтгомери о Сталинграде, гость говорил о превратностях войны в пустыне. Обе битвы происходили в одно время. Когда на Волге особенно припекло, Гитлер настолько спешно перебросил туда роммелевские танки, что их не успели даже перекрасить, и они сохранили свои пустынные маскировочные расцветки. В этой связи отец не преминул заметить, что в победах Монтгомери в Африке есть вклад и их с Еременко Сталинградского фронта. Монтгомери не ответил. Современные темы он старательно обходил, фельдмаршал уже принадлежал истории.

4 мая 1959 года, сразу после майских праздников, отец принимал американского посла США Томпсона. Зашел разговор об открывавшейся в Москве через два с половиной месяца американской выставке, первой за всю российскую историю.

Посол Томпсон рассказал, что они начали монтировать главный купол. Отец знал об этой необычайной шатровой конструкции, собираемой из алюминиевых сот – сегментов. Такого он еще не видел. Посол предложил вместе съездить на стройплощадку в Сокольники: пока каркас не «задрапирован» отделкой, он сможет разглядеть все детали. Отец согласился и тут же вызвал машину.

Они провели на стройке около сорока минут, несмотря на весеннюю грязь отец облазил все закоулки, забрался и на купол, правда, не очень высоко. Купол ему понравился. На очередном, июньском, Пленуме ЦК отец поделился своими впечатлениями: «Купол они делают из однотипных деталей, монтируемых в разных положениях наподобие пчелиных сот. Скрепляют между собой детали не клепкой, а пневматическим

запрессовыванием болтов из алюминия с резьбой. Получается крепкое и легкое сооружение – алюминий крепится алюминием. Их опыт следовало бы изучить».

Изучить-то изучить, но у нас алюминий шел только на самолеты, в строительстве его пока не применяли.

Вечером того же дня отец позвал нас во Дворец спорта в Лужниках, там выступала американская труппа «Холидей он Айс», балет на льду. Фигурным катанием наши спортсмены тогда уже занимались, правда, до последнего времени только зимой. Искусственный лед по тем временам был неслыханной роскошью. Один из первых таких круглогодичных катков соорудили во Дворце спорта, но там, в основном, играли в хоккей. Я поехал с отцом без особого удовольствия, фигурное катание тех лет представлялось мне чем-то вроде производственной гимнастики – череда заученных движений, выполняемых, в зависимости от квалификации, кем лучше, а кем хуже. В обеденное время «физзарядку» транслировали по радио, считалось, что сознательные граждане следуют за инструктором, укрепляют свое здоровье. Не знаю, как сознательные граждане, но я эту передачу за ее монотонность терпеть не мог. Во Дворец спорта пошел просто потому, что хотел провести вечер с отцом.

Выступление американских артистов, среди них несколько чемпионов Олимпийских игр, ввело нас в феерический мир зимней сказки: грациозный танец на льду, прыжки, вращения и, конечно, костюмы. Девушки-лебеди в белоснежных нарядах из страусовых перьев... Наверное, они делали то, что умели делать и наши фигуристы, но наши выполняли спортивные упражнения, а эти своими танцами очаровывали зрителей. После спектакля отец пригласил исполнителей в правительственную ложу. Они пришли, не успев переодеться, только сняли коньки.

Мне недавно прислали фотографии: улыбающийся отец чокается шампанским с улыбающимися американками, держит на руках самого маленького, наверное, восьмилетнего фигуриста, которому достались самые громкие аплодисменты. Рядом с отцом сдержанно улыбается Фрол Романович Козлов.

Гастроли американского балета в Москве прошли не менее успешно, чем в те же дни выступления Большого театра в Нью-Йорке. Представления «Холидей он Айс» за восемь недель посмотрело более миллиона человек. Собственно, это ледовое шоу и подтолкнуло к развитию нового жанра искусства – танцевальных представлений на льду, или ледовых шоу.

После спектакля, когда гости ушли к себе в гримерные, отец не улыбался, выглядел немного расстроенным – почему у нас нет ничего подобного? Министр культуры Михайлов, он по долгу службы тоже находился в ложе, обещал подумать.

Прошло несколько лет, и уже наши Белоусов и Протопопова, за ними последовали и многие другие, пленяли зрителей своим искусством, а когда фигурное катание показывали по телевидению, «весь Советский Союз» нельзя было оторвать от экранов.

«Холидей он Айс» еще несколько раз приезжал в Советский Союз, выступал всегда с аншлагами, но без такого оглушительного успеха, какой имел весной и летом 1959 года. В декабре 2008 года они снова побывали в Москве. Прошло уже пятьдесят лет, не раз и не два сменились составы

исполнителей и зрители уже другие, более искушенные и более критичные. И тем не менее, на премьеру «Красавицы и чудовища» (у нас эта сказка называется куда поэтичнее «Аленький цветочек») билеты были распроданы, как и в 1959 году, за много дней вперед.

9 мая 1959 года отец принимает в Кремле американских ветеранов Второй мировой войны и после обеда улетает в Киев, где в кругу старых друзей отмечает День Победы. Затем следует традиционная поездка по колхозным полям. 11 мая он вручает Украине орден Ленина и следует дальше в Молдавию. 14 мая в Кишиневе участвует в торжествах по случаю награждения республики.

22 мая отец выступил на III съезде писателей, впервые после истории с Пастернаком, и постарался сгладить возникшие шероховатости. Оторвавшись от текста, он цитировал запомнившихся ему с детства, поэтов: любимого Николая Алексеевича Некрасова, Ивана Саввича Никитина и в заключение практически никому не известного дореволюционного донбассца Пантелея Махиню.

Люблю я книгою правдивой
Огни эмоций зажигать, —

нараспев продекламировал отец и попросил аудиторию не судить автора строго, поэт немного успел, в Гражданскую его убили петлюровцы.

Писатели просьбе отца не вняли, поэты-профессионалы долго насмеялись над примитивностью его вкуса, невзыскательностью выбора. Хотя вопрос выбора в поэзии – тема весьма деликатная. Одному нравится одно, другому – иное, а судья – это тот, у кого в данный момент в руках власть, не обязательно административная. Зачастую в творческой среде признают только себя и своих соратников по литературному направлению, отвергая всех иных. Так, молодой Маяковский призывал выкинуть на свалку Пушкина, а затем писатель Фадеев с критиком Ермиловым, взяв верх в писательском сообществе, едва не выкинули из литературы и самого Маяковского.

Поэзия воспринимается сердцем, и профессионализм здесь очень условен. Естественно, профессионалы поэзии и других искусств со мной не согласятся, но это их дело.

Затем отец вернулся к истории с Дудинцевым, назвал его книгу «Не хлебом единым» проходной однодневкой, хотя в ней «некоторые страницы и заслуживают внимания» и посетовал, что все собирался побеседовать с автором, но дела заели.

Отец говорил, что недостатки надо высвечивать, но в «основу следует брать положительные явления, пафос труда», одернул, предостерег от излишнего усердия, выискивающих крамолу, особо рьяных «охранителей» генеральной линии, и тут же взял под свою защиту, назвал их по-фронтовому «автоматчиками» партии. В общем, призвал всех жить дружно, в согласии.

Согласия, естественно, не получилось, писатели не в состоянии жить в согласии, каждый из них отстаивает свою «правду» и напрочь отвергает «правду» соседа. Но какое-то затишье, тем не менее, наступило, благодаря чему отметили семидесятилетие охаянной сначала Фадеевым

с Ермиловым, а позднее Сталиным со Ждановым великой, по мнению многих, поэтессы Анны Ахматовой. Еще в 1958 году, впервые после долгих лет запрета, опубликовали книгу ее стихов, но только теперь она удостоилась благосклонных рецензий. Антиахматовцы тут же приняли меры. В результате стороны достигли компромисса, пышных чествований решили не устраивать, ограничились приватным торжеством и столь же приватными поздравлениями.

С 25 мая по 4 июня 1959 года отец с государственным визитом в Албании. Принимают его с помпой, как лучшего друга. Но дружба продлится недолго. Энвер Ходжа, как и Мао Цзэдун, видит в разоблачении тирании Сталина, в начинавшихся в СССР реформах угрозу собственной власти и уже в этом году сменит ориентацию с советской на китайскую, наравне с «титовским» заклеят и «хрущевский» ревизионизм.

4 и 5 июня, по дороге домой, отец останавливается в Венгрии, здесь, в отличие от Албании, прием сдержанный, но более искренний, с Яношем Кадаром они единомышленники, оба настроены на реформирование общества в интересах простых людей.

10 – 12 июня 1959 года отец сопровождает Вальтера Ульбрихта, главу делегации ГДР, в поездке по Прибалтике. Попутно в Риге он разбирается в споре между «централистами» и «националистами», в частности о государственном языке. Не хочу углубляться в детали, они сложны, запутаны и сегодня мало кому интересны. Скажу только, что, по мнению отца, в Латвии государственным языком должен быть латышский, на Украине – украинский и т. д. «Когда на митинге Первый секретарь ЦК латышской компартии Калиберзин выступил на русском, я его внутренне осудил, следовало говорить на латышском языке», – делился он впечатлениями о поездке на заседании Президиума ЦК.

25 мая вышло постановление правительства о развитии школ-интернатов для сирот и детей из «проблемных» семей, а также о «продленке» в обычных школах. В ряде случаев, там, где школьных зданий построили достаточно, от вторых и третьих смен, обычных в послевоенные годы, удалось отказаться, и появилась возможность оставлять учеников в классах после уроков. Пока родители работали, школьники под присмотром учителей выполняли домашнее задание, играли. С годами «продленка» стала практиковаться в большинстве школ.

11 июля правительство предоставило дополнительные льготы студентам-заочникам и вечерникам. Постановление правительства предписывало предприятиям в период их отсутствия на работе (во время сдачи экзаменов) выплачивать им полную зарплату и предоставлять десятидневный оплачиваемый отпуск для подготовки диплома.

Летом 1959 года газеты объявили о новом виде услуг: продаже в кредит мотоциклов, велосипедов, мотороллеров, швейных машин, лодочных моторов, охотничьих ружей, часов, шерстяной и шелковой одежды. Рассрочка – признак избытка товаров на полках, пусть не первой необходимости, но все же... Одновременно, 4 июня 1959 года, снизили, в среднем на 11–20 процентов, цены на вина, часы, велосипеды, радиолы, фотоаппараты, капроновые чулки, игрушки. Принятое решение свидетельствует не только о наполнении, но и начале переполнения рынка по отдельным видам товаров.